

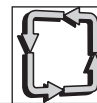
Еще раз о предмете социальной эпистемологии¹

Е. А. МАМЧУР

В настоящее время существуют два направления в сфере социологии познания. Одно из них – это *традиционная социология познания*. На современной стадии развития социологических исследований науки это совокупность различных дисциплин, получившая название Science Studies (в нашей, да иногда и в западной литературе, оно характеризуется как культурологический подход к анализу научного знания – *cultural approach*). Его представители рассматривают науку как тип культуры и исследуют различные стороны познавательной деятельности ученых с помощью социологических методов. В последние годы в культурологическом подходе набирает силу так называемый натуралистский подход к исследованию научного познания (*naturalism*). Его сторонники противопоставляют свои исследования эпистемологии и исключают эпистемологическую проблематику из сферы исследований. Вопросы истины, объективности научного знания, пути их достижения в процессе познания, проблемы взаимоотношения научного познания и действительности, вопрос критериев реальности исследуемых объектов, являющиеся центральными для классической эпистемологии, «натуралистами» игнорируются. (Натурализм и натуралистический подход не являются однозначными терминами; в различных контекстах они могут иметь различный смысл. В данном случае они обозначают позицию, согласно которой знанием считается то, что принимается в качестве такового научным сообществом в то или иное время и в том или ином месте, независимо от того, что оно представляет собой на самом деле².) Эта тенденция в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-03-00671а.

² См. : *Golinsky J. Making Natural Knowledge. Constructivism and the History of Science. Camb., 1998. Preface.*

культурологическом подходе критикуется многими рационалистически мыслящими философами науки и оценивается негативно.

Другое направление получило название *социальная эпистемология*. В отличие от культурологического подхода (Science Studies) социальная эпистемология считается, во-первых, довольно молодым направлением в социологии познания и, во-вторых, в отличие от Science Studies оно открыто заявляет об эпистемологической релевантности своих исследований. Как будет видно из дальнейшего изложения, оно пока не вполне определилось с тем, какие цели и задачи преследует и каков его предмет. Различные авторы, работающие в этом русле идей, понимают задачи социальной эпистемологии по-разному.

Помимо этих двух направлений существует *социология науки*, в которой опять-таки средствами и методами социологии исследуются институциональные аспекты науки. Ее предметом является наука как социальный институт. В данной статье мы не будем касаться социологии науки и сосредоточимся только на социологии познания, точнее, на социальной эпистемологии.

Предмет социальной эпистемологии

Четкого и ясного определения того, что представляет собой социальная эпистемология, до сих пор нет. Недаром и отечественные авторы, несмотря на существование интересных разработок³ и на то, что рассматриваемая дисциплина уже получила у нас институциональное выражение (в ИФ РАН есть соответствующий сектор), продолжают размышлять над тем, чем должна заниматься социальная эпистемология и каков ее предмет⁴.

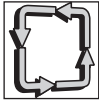
В размещенной в Интернете «Стэнфордской философской энциклопедии»⁵ утверждается, что впервые термин «Социальная эпистемология» был предложен Е. Шера, который дал такое определение этой дисциплине: «Социальная эпистемология – это изучение того, как познание функционирует в обществе... Фокусом этой дисциплины должны стать продуцирование знания, его распространение, интеграция и потребление всех форм коммуникативных идей через целостную социальную фабрику»⁶.

³ См. : Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008; Язык, знание, социум. Проблемы социальной эпистемологии; под ред. И. Т. Касавина. М., ИФ РАН, 2007.

⁴ См. : Панельная дискуссия // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIV, № 4.

⁵ URL. – <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social>.

⁶ Shera J. Sociological Foundations of Librarianship. N.Y. : Asia Publishing House, 1970. P. 86.

Очевидно, что, согласившись с таким определением, мы не почувствуем специфики социальной эпистемологии: это определение ничем не отличает ее от традиционной социологии познания. Ведь основными вопросами, которые обычно рассматривались в этой сфере исследований научного познания, были социальная природа познания; его социальная обусловленность и социальная детерминированность; механизмы распространения и ассимиляции результатов научной деятельности; процессы принятия научным сообществом новых теоретических результатов как общезначимых и т.п.⁷ Кстати, и сами авторы интернетовской статьи (а они определяют социальную эпистемологию как «исследование социальных параметров познания»⁸) не указывают нам на что-то новое и специфическое в сфере социологического анализа научного познания: социальные параметры познания традиционно были предметом социологии познания. По-видимому, все-таки социальная эпистемология – это нечто другое.

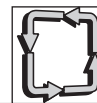
Согласиться с высказываемым иногда мнением, что социальную эпистемологию каждый может понимать как ему нравится, не хотелось бы. Что же это за дисциплина или направление, где царит полный произвол? Попробуем все-таки разобраться, что же стоит за этим термином.

Уже из самого определения ясно, что от традиционной социологии познания социальную эпистемологию отличает ее связь с эпистемологией. Авторы цитируемой нами статьи признают существование такой связи. По их мнению, одни исследователи полагают, что эта дисциплина должна выполнять *ту же* функцию, что и классическая эпистемология, но только с учетом того, что знание не является таким индивидуалистическим, каким оно представлялось в классической эпистемологии; другие считают, что эта дисциплина должна более радикально *отойти* от классической эпистемологии и вообще заменить ее. (Насчет классической эпистемологии и ее отношения к научному познанию как индивидуалистическому предприятию можно поспорить. Но мы пока не будем останавливаться на этом вопросе и пойдем дальше.) Так что социальная эпистемология – это все-таки эпистемология, хоть, по-видимому, и не традиционная.

Очевидно, что ключ к пониманию предмета социальной эпистемологии следует искать, анализируя содержание разработок, которые осуществляются под рубрикой социальной эпистемологии и авторы которых позиционируют себя как ее представители. Вместе с тем просто опереться на эти работы, не исследуя их критически, значит вернуться к отвергаемой нами точке зрения, согласно которой соци-

⁷ Мотрошилова Н. В. Социология познания // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. V. С. 100–101.

⁸ Social epistemology // Stanford Encyclopedia of Philosophy / <http://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social>. P. 1.

альная эпистемология это то, что тот или иной автор под ней понимает. Следует отобрать те работы, которые отличались бы от традиционной социологии познания, и авторы которых, занимаясь эпистемологическими проблемами, не сводили бы свои методы к традиционным для классической эпистемологии. Проведя такой анализ, можно прийти к выводу, что социальная эпистемология – это действительно особая дисциплина, по своему характеру подобная таким наукам, как биофизика, биохимия, социобиология. Биофизика, например, не является ни биологией, ни физикой, ни простым соединением этих дисциплин; это, конечно, синтез, но синтез не столько содержания биологии и физики, сколько методов одной дисциплины при исследовании объектов и процессов другой: в биофизике это применение физических методов и идей к изучению живых организмов; в биохимии – использование химических методов при исследовании биологических систем.

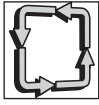
По-видимому, аналогичным образом обстоит дело и с социальной эпистемологией. Ее суть – в применении социологических средств и методов к традиционной эпистемологической проблематике. Думается, что предмет новой дисциплины можно определить так: *социальная эпистемология – это направление в социологии познания, которое исходит из того, что традиционные эпистемологические проблемы должны решаться социологическими методами и средствами.*

Основания социальной эпистемологии

Какими соображениями руководствуются авторы и сторонники социальной эпистемологии, утверждая, что эпистемологические проблемы не только можно, но и следует анализировать, используя социологические средства? Рассматривая осуществляемые ими разработки и содержащиеся в них case studies, можно понять, что основания для социальной эпистемологии они усматривают в особом характере взаимоотношения между социальным контекстом и научным познанием, которое, с их точки зрения, реализуется в истории научного познания и ее современной практике.

Говоря о взаимоотношении социального контекста и научного познания, можно выделить три уровня, различающиеся между собой по силе и глубине воздействия социальных факторов на познавательный процесс. Они нашли свое отражение в трех тезисах: о социальной природе, социальной обусловленности и социальной детерминированности научного познания.

Концепция *социальной природы* познания – одно из главных достижений немецкой классической философии и прежде всего философии Канта и Гегеля. Ее суть в том, что истинным субъектом позна-

ния выступает не изолированный индивид, а человеческое общество на том или ином этапе его развития. Индивид может осуществлять функцию субъекта познания только тогда, когда он овладел материальными и духовными средствами познавательной деятельности, выработанными предшествующими поколениями людей, – языком, логикой, накопленным знанием, экспериментальным оборудованием и т.д. (Вот и ответ современным критикам классической эпистемологии: вопреки приведенному выше утверждению о том, что классическая эпистемология исходила из представлений о науке как индивидуалистическом предприятии, уже в середине XIX в. существовала эпистемология, в которой наука никогда не рассматривалась таким образом: гегелевская (так же как и впоследствии марксистская) гносеология отрицала возможность гносеологической робинзоны.)

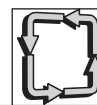
Тезис о *социальной обусловленности* познания близок к концепции социальной природы познания, но является более конкретным. В концепции социальной природы познания социальное выступает как предпосылка, как некое обязательное условие, без которого наука просто не могла бы реализоваться. В тезисе о социальной обусловленности внимание фиксируется на роли конкретных социальных факторов и их влиянии на познавательный процесс в данное время и в данном месте.

И, наконец, в утверждении о *социальной детерминированности* научного познания предполагается, что социальные факторы играют самостоятельную роль в функционировании и развитии научных идей, выступая основной движущей силой развития научного познания.

Тезис о социальной детерминированности научного познания является более узким по сравнению с двумя другими тезисами, но и более сильным. Забегая вперед, можно сказать, что если концепции социальной природы и социальной обусловленности научного познания сомнений не вызывают, то концепция его социальной детерминированности считается весьма проблематичной.

Традиционная социология познания имеет дело с социальной природой и социальной обусловленностью научного познания. Социальная эпистемология начинается тогда, когда исследователи науки исходят из того, что научное познание социально детерминировано.

В западной традиции к «дисциплинарным образцам» социальной эпистемологии относятся работы Т. Куна, П. Фейерабенда, Н.Р. Хэнсона, С. Фулера, социальных конструктивистов С. Вулгара и Б. Латура, сторонников «сильной программы» социологии познания Б. Барнса, Д. Блура, С. Шейпина. Анализируя работы этих авторов, можно сформулировать посылки, лежащие в основании рассматриваемого подхода:

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

1. Без обращения к социальным факторам никакая адекватная (реальной научной практике) реконструкция функционирования и развития научного познания невозможна.

2. Более того, именно социальные факторы играют роль главной движущей силы развития научных идей.

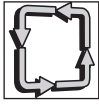
3. Социальные факторы детерминируют не только внешнюю, но и внутреннюю историю науки, так что не существует истории науки, относительно независимой от истории ее социокультурного окружения.

4. В отличие от философов науки, выдвинувших так называемый принцип а-рациональности (Л. Лаудан)⁹, согласно которому социальные факторы должны привлекаться для теоретической реконструкции истории науки только тогда, когда речь идет о девиации научного познания от прямого пути рациональности (т.е. о «плохой» науке), сторонники социальной эпистемологии (Блур, Барнс, Шейпин) полагают, что социальные средства должны привлекаться для объяснения не только «плохой», но и «хорошей» науки (принцип методологической симметрии в исследовании научного познания).

Начало социальной эпистемологии было положено работами Куна, Хэнсона, Фейерабенда, которые в начале своей исследовательской деятельности относили себя к философам науки и лишь позднее некоторые из них (Кун, Фулер) начали считать себя социологами познания (как уже отмечалось, сам термин «социальная эпистемология» появился позднее). Так что социальная эпистемология отнюдь не такое уж и новое направление! Решая эпистемологическую по своему характеру проблему закономерностей перехода от одной научной парадигмы к другой, выявляя причины эволюции научного знания, Кун пришел к выводу, что основную роль в данном случае играют не когнитивные аргументы (данные эксперимента, методологические критерии типа верифицируемости, фальсифицируемости, сравнительной простоты и т.д.), а социальные (социопсихологические) факторы. Из-за теоретической нагруженности эмпирических данных и исторической изменчивости вовлекаемых в процесс оценки теорий методологических принципов в науке отсутствуют, как полагал Кун, парадигмально независимые критерии отбора теорий. Благодаря этому переход от старой парадигмы к новой осуществляется не на основе рациональных соображений и сознательного выбора, а на основе переклочения гештальта у сообщества ученых.

Говоря словами самого Куна, «вместо утки начинают видеть кролика». Например, вместо заполненного тончайшим эфиром универсума, в котором взаимодействия распространяются мгновенно, без участия промежуточной среды, как было в классической механике, после перехода к электромагнетизму ученые начинают «видеть» универсум, заполненный материальными полями, являющимися пере-

⁹ *Laudan L. Progress and Its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth. L. : Routledge and Kegan Paul, 1977. P. 200 и далее.*

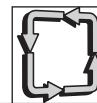
носчиками взаимодействия; вместо электрона-частицы, фигурирующего в классической физике, с переходом к квантовой механике они начинают «видеть» нечто неопределенное, которое только после регистрации его в приборе и в зависимости от характера аппаратуры становится либо частицей, либо волной.

Дальнейшее развитие социальная эпистемология получила в «социальном конструктивизме» Латура и Вулгара и «сильной программе социологии познания», разрабатываемой представителями Эдинбургской школы (Шейпин, Блур и Барнс). Социальные конструктивисты отрицают объективный характер научного факта и утверждают, что факты в науке – результат соглашения между членами научного сообщества. В качестве оснований для такого утверждения они указывают на представления о теоретической нагруженности экспериментальных данных, а также на те особенности экспериментальной проверки теории, благодаря которым эксперимент оказывается практически не воспроизводимым: его невозможно повторить из-за сложностей, связанных с получением экспериментального образца, или «тонкости» проверяемых эффектов, предсказанных теориями. Ученые вынуждены в какой-то мере «поверить на слово» тем экспериментаторам, которым удалось добыть необходимое для проведения эксперимента количество испытуемого вещества или подтвердить предсказание теории.

Сторонники сильной программы социологии познания развивают программу Куна и усиливают ее, утверждая, что социально детерминированным является не только процедура оценки теорий, но и содержание научных идей. Последнего тезиса у Куна не было.

Установки и цели сильной программы довольно расплывчаты. Часто ее приверженцы, утверждая «сильный» характер своих исходных тезисов и претендуя на социальную детерминированность научного знания, провозглашают лозунги, которые указывают на то, что на самом деле они не выходят за рамки обычной социологии познания. Один из таких лозунгов гласит: «Наука является социальным предприятием и должна исследоваться социологическими средствами». Сторонники сильной программы считают это утверждение очень смелым и сильным, но в качестве аргументов в его поддержку указывают на то, что ученый, прежде чем приступить к исследованию, получает образование в соответствующих учебных заведениях, пользуется аппаратурой, учебниками, созданными не им, а предшествующими поколениями ученых, и т.д., т.е. фиксируют социальную природу познания. Ничего нового в этом лозунге нет, он просто тривиально верен.

В своих реконструкциях отдельных эпизодов в истории науки они, претендуя, по-видимому, на то, что занимаются социальной эпистемологией, на самом деле не выходят за рамки социологии познания, поскольку остаются в пределах концепции его социальной обу-

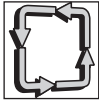

словленности. Вместе с тем часто они делают значительно более сильные утверждения, когда провозглашают, что социальные факторы играют в науке роль движущих сил познания не наряду с когнитивными, а независимо от них. Многочисленные case studies, в которых они пытаются это доказать, опровергаются другими исследователями. Критики показывают, что если наука развивается рационально, социальные факторы действуют всегда наряду с когнитивными. Верное решение вопроса об отношении социального и когнитивного в развитии науки состоит в провозглашении их *взаимной дополнителности*: социологический анализ должен дополнять когнитивный, а не подменять его.

В этом плане характерно отношение исследователей к данной П. Форманом реконструкции возникновения и становления квантовой механики в Германии 1920-х гг.¹⁰ Форман пытался редуцировать все механизмы и причины появления этой теории к социальным, утверждая, что причина появления индетерминистской квантовой теории заключалась в общей духовной атмосфере в Германии после ее поражения в Первой мировой войне. Это поражение, считает Форман, подорвало веру в интеллектуальные ценности, проповедуемые старой культурой и классической наукой. В числе таких ценностей была идея детерминизма как некоего универсального принципа природы. Критики Формана показали, что основной причиной были все-таки внутренние проблемы физического познания, суть которых заключалась в трудностях объяснения закономерностей излучения абсолютно черного тела. Если бы речь шла о *принятии* научным сообществом квантовой теории, в утверждении Формана содержалась бы доля истины. Но сводить причины *генезиса* этой теории к социальным – значит исказить реальную историю этой дисциплины.

Таким образом, само существование социальной детерминированности научного познания многими исследователями феномена науки подвергается сомнению. Социальное влияет на научное познание. Оно может оказывать и позитивное, и деструктивное воздействие. Конструктивным воздействие будет тогда, когда в социальном находят свое отражение, оказываются «схваченными» особенности познаваемого объекта. Если же социальное искажает образ и сущность исследуемого объекта, его влияние будет признано негативным, а полученное под этим влиянием знание окажется в конце концов отброшено. В науке существует фильтр методологических критериев, который и определяет, принимать или не принимать тот или иной научный результат. Этот фильтр действует лишь на «длитель-

¹⁰ Forman P. Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918–1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment // Historical Studies in the Physical Sciences. Philadelphia, 1971. № 3.

ном пробеге» теорий, тем не менее он оказывается достаточно эффективным, чтобы отличать знание от заблуждений.

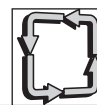
Сторонники социальной эпистемологии вопреки реальному положению дел в научном познании отрицают существование такого фильтра, утверждая, что кросс- (или над-) культурные (над-парадигмальные) критерии оценки теорий или парадигм в научном познании отсутствуют. Тем самым они обрекают себя на релятивизм, осознают они это или нет. Они ссылаются на историческую изменчивость и парадигмальную зависимость критериев оценки теорий, но степень этой изменчивости ими гипертрофируется. Как показали исследования их оппонентов, несмотря на такую изменчивость, в содержании теоретического знания меняется далеко не все: в сфере эмпирических данных остается неизменным «первичный экспериментальный материал»; между математическими аппаратами новой и старой парадигм действует принцип соответствия; остается неизменным, инвариантным некоторое содержание внеэмпирических методологических принципов. И этого оказывается достаточно для того, чтобы научное познание можно было реконструировать как обладающее статусом хотя бы относительной объективности¹¹.

Перспективы социальной эпистемологии

Итак, социальная эпистемология – одно из направлений социологии познания. В отличие от традиционной социологии познания она занимается эпистемологическими проблемами, но стремится решать их социологическими методами. Основание для такой возможности ее сторонники усматривают в якобы существующей социальной детерминированности научного познания – посылка, которая, на взгляд многих философов науки, является весьма проблематичной. Признавая справедливость тезиса о социальной обусловленности познания, рационалистически ориентированные исследователи науки считают, что такого сильного воздействия социального на научное познание, которое предполагает тезис о его социальной детерминированности, просто не существует: всегда есть сопротивление самого научного материала, не допускающего редукции когнитивного к социальному.

Так что если все сказанное выше верно, перспективы направления в исследовании науки, опирающегося на тезис о социальной детерминированности научного познания, довольно проблематичны: проблемы эпистемологии только социологическими средствами решены быть не могут.

¹¹ Подробнее см.: Мамчур Е.А. *Образы науки в современной культуре*. М.: Канон+, 2008.

Видимо, именно поэтому, как говорят и авторы цитируемой нами интернетовской статьи, все работы в области социальной эпистемологии в западной литературе подвергаются критике. Что касается отечественных авторов, то они, как представляется, занимаются (и весьма успешно) проблемами социологии научного познания, а не социальной эпистемологией.

В самом деле, возьмем в качестве примера две недавно опубликованные монографии, посвященные социальным параметрам языка¹². Обе они идут под рубрикой социальной эпистемологии. Представляется, однако, что термины «социология языка», «социальный анализ языка» являются более подходящими для характеристики проводимого авторами книг исследования по сравнению с термином «социальная эпистемология языка», и вот почему. Эпистемология языка – это круг вопросов, касающихся природы языка, его происхождения, проблема критериев истинности высказываний и самое главное, как указывает Л. Витгенштейн, – вопрос об отношении слов к вещам, обозначающего к обозначаемому¹³. Если я правильно поняла авторов работ, речь в них все-таки о другом. Язык рассматривается как нечто уже существующее и функционирующее в обществе; авторов интересует (помимо всего прочего – психологии языка, феноменологии и т.д.) проблема взаимоотношения языка и языковых конструкций с социокультурным окружением. Все это традиционно характеризовалось как социология языка. Социология познания – вполне respectable направление в изучении феномена языка или научного познания, и заниматься разработками в этой области – значит продолжать одну из важнейших и многообещающих традиций в исследовании науки и культуры. Естественно, каждый волен понимать социальную эпистемологию языка, как и социологию языка, по-своему. Но еще раз поразмышлять над границей между социологией познания и социальной эпистемологией, о предметах этих двух дисциплин, думается, стоит.

¹² См., напр. : *Касавин И. Т.* Указ. соч.; Язык, знание, социум...

¹³ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М. : Канон⁺; РООН Реабилитация, 2008. С. 11.